

Николай Бочкарёв

АНГЕЛ В МОЁМ РЮКЗАКЕ

Николай Бочкарёв
Ангел в моём рюкзаке

«Автор»

2026

Бочкарёв Н. Н.

Ангел в моём рюкзаке / Н. Н. Бочкарёв — «Автор», 2026

Степь полна иллюзий и теней. Однажды к одинокому путнику у костра приходит ангел и просится жить в его рюкзаке, превратившись в белого кота. Так начинается странствие через Кангарскую степь — метафору души, где миражи сменяются сомнениями, а ночные страхи обретают плоть. Неся в рюкзаке хлебные крошки, веру и белый лоскут чистоты, герой учится распознавать знаки, доверять молчанию и не сражаться с трясинной, а искать под ногами корень. Когда на горизонте появляется Город (забытое прошлое), кот-ангел остаётся единственным стражем между обрётённым покоем и новым искушением в лице огненной женщины. Это поэтическая притча о том, что истинный путь не заканчивается у порога — он просто меняет ландшафт, а ангел всегда спит в трепете того огня, который мы решаемся разжечь внутри.

© Бочкарёв Н. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1.	5
2.	7
3.	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Николай Бочкарёв

Ангел в моём рюкзаке

1.

Однажды, когда я сидел у костра и готовился ко сну, ко мне пришёл ангел. Он сказал: "Здравствуй! Я твой ангел. Можно, я буду жить в твоём рюкзаке?"

Я не возражал. Когда идёшь один сквозь Кангарские степи, любой попутчик только в радость. Я сказал ему: в моём рюкзаке не очень уютно, там только степной ветер да хлебные крошки. Может, что тебе туда положить?

Ангел сказал: Положи туда свою веру и белую тряпку, что ты носишь в боковом кармане.

Утром я проснулся и увидел, что верхом на моём рюкзаке свернулся большой белый кот. Он почувствовал мой взгляд и сказал: «Вот так я буду выглядеть для других людей, и для тебя, когда ты начнёшь забывать о нашем знакомстве».

Кот исчез, и на его месте появился ангел: «Пойдём, впереди у нас долгий путь».

Дни сливались в мерный ритм шагов по иссохшей траве. Степь, величественная и безжалостная, раскрывалась перед нами – бескрайнее море солончаков, вздыбленных ветром холмов и редких, корявых деревьев, цепляющихся за жизнь. Ангел шёл рядом, его присутствие было подобно лёгкой прохладе в полуденной зной – неуловимое, но осязаемое.

Однажды, когда солнце висело расплавленным шаром, а горизонт дрожал в мареве, я увидел впереди озеро с чистой водой. Жажда стала нестерпимой. Я ускорил шаг, но ангел лёгкой рукой коснулся моего плеча. "Смотри," – прошептал его голос, подобный шёлку. Я взгляделся. Озеро оставалось, но под ногами уже хрустела лишь потрескавшаяся соль, а мираж упрямо держался вдали. "Это Пустыня Сомнений, – пояснил ангел. – Она манит тем, чего жаждет измученная душа, лишь чтобы усугубить страдание. Иди за мной". Он повёл меня не напрямую к миражу, а вдоль сухого русла, где в тени старого камня мы нашли горстку горьких, но сочных ягод. Кот в рюкзаке в тот день не спал – его зелёные глаза, приоткрытые в щёлку, наблюдали за моей борьбой с иллюзией.

По ночам степной ветер выл по-особенному. Это был не просто шум, а голос, шепчущий о бессмысленности пути, о забытых ошибках, о людях, которых я больше не увижу. Однажды такой ветер принёс с собой не просто тоску, а Тени. Они не были людьми и не были зверями – скорее, сгустками тьмы, принимавшими облик моих давних страхов и сожалений. Они вились вокруг костра, пытаясь прорваться сквозь круг света. Ангел не вставал. Он сидел неподвижно, его свет был неярким, но неколебимым, как свет далёкой звезды. Тени набрасывались, но, приближаясь к нему, таяли, словно дым, не в силах вынести его тихого присутствия. Я же, прижав к груди ту самую белую тряпку (она теперь казалась куском облака, укрывавшего сердце), повторял про себя простые слова веры, которым научился у него же: "*Я иду. Я здесь. Этого достаточно*". К рассвету ветер стих, а тени растворились в сером предутреннем свете.

Однажды мы наткнулись на место, где земля выглядела твёрдой, но нога проваливалась в холодную, вязкую жижу. Казалось, сама степь устала и хотела засосать путника. Чем больше я боролся, пытаясь выбраться из очередной топкой лужи, тем глубже увязал. Усталость и апатия накатывали волной. "Перестань биться, – донесся до меня спокойный голос ангела. Он стоял на твёрдой кочке неподалёку. – Посмотри на кота". Я опустил взгляд к рюкзаку. Белый кот спал, свернувшись клубком, его бока ровно поднимались и опускались. В его абсолютном спокойствии, в его доверии к тому, что несут его, была невероятная сила. Я перевёл дух, перестал дёргаться и почувствовал под ногой скрытый корень, твёрдый, как кость земли. Опираясь на

него, я выбрался. Ангел лишь кивнул: "Иногда путь требует не борьбы, а внимания и покоя, который ты носишь с собой".

Ночью ангел стоял на страже. Он редко двигался, но его бодрствующее присутствие было щитом. Это не была агрессивная охрана; скорее, пространство вокруг нашего скромного лагеря наполнялось ощущением *неприкосновенности*. Дикая звери обходили нас стороной, а ночные страхи отступали перед тихим светом его сущности. Я засыпал под мерное, успокаивающее мурчание кота (которое теперь я слышал даже когда кот был ангелом) и просыпался от того, что ангел мягко касался моего плеча: "Рассвет. Пора идти дальше".

Наш путь был диалогом без слов – шаги по степи, взгляды, понимающие молчание. Ангел не вёл меня за руку, но указывал путь через знаки: отблеск воды на камне, тропа, протоптанная сайгаками, звезда, ярче других горевшая на нужном направлении. Он защищал, не лишая меня опыта опасности, но смягчая удары судьбы и напоминая о вере и том белом лоскуте чистоты, который я всегда носил с собой – теперь не в кармане, а глубоко внутри, рядом с верой, в самом сердце своего рюкзака-души. Степь учила нас обоих, а наш союз был тихим чудом посреди бескрайнего простора.

2.

Дни становились короче, а воздух прозрачнее и острее. Солнце, ещё жаркое днём, клонилось к западу все раньше, заливая степь медовым, ностальгическим светом. Земля под ногами менялась: трава становилась гуще, попадались первые, робкие кусты, а на горизонте, сначала как дымка, потом как складка серой ткани на краю мира, начал проступать Город. Его имя я не произносил давно, оно затерялось в веренице дней пути, как затерялась когда-то и память о той квартире под черепичной крышей.

За день до городской черты мы нашли колодец. Не глубокий, почти высохший, лишь мутная лужица на дне. Рядом с колодцем сидел человек. Не старый, но измождённый дорогой, лицо его было пепельным от пыли, а глаза смотрели куда-то внутрь себя, не видя нас. В его рюкзаке, похожем на мой, но продырявленном и потрепанном, никого не было. "Куда путь держишь?" — спросил я, по обычаю степи. Он вздрогнул, словно очнувшись. "В Город," — прошепелявил он. "Ищу то, что потерял. Или то, что потеряло меня." Его голос был лишён тона, плоский, как степь в зной. Ангел мой, в облике кота, вышел из рюкзака и сел рядом, облизывая лапу. Его зелёные глаза спокойно смотрели на незнакомца. "Что потерял?" — спросил я снова. Человек сжал виски. "Веру. Или... белый лоскут. Не помню. Кажется, я оставил их где-то на дороге. Теперь внутри только ветер и крошки." Ангел-кот тихо мякнул. Когда мы пошли дальше, оставив странника у колодца с его пустым рюкзаком и пустыми глазами, ангел (уже в своём истинном облике) сказал тихо: "Видишь, что бывает, когда забываешь о том, что несёшь в своём рюкзаке? Он нёс только тяжесть пути, забыв его смысл. Его опасность — не в волках или трясиных, а в этой внутренней пустыне." Этот образ — человек с пустым рюкзаком души — стал для меня предостережением и грустным эхом возможного будущего.

Мы разбили лагерь на последнем холме, откуда Город был виден ясно — каменное гнездо, опутанное дымом и дорогами. Ночь выдалась тревожной. Не Тени прошлого, нет. На этот раз явилось Искушение. Оно пришло не с ветром, а словно выросло из самой тьмы у костра. Не образ, а *ощущение*: внезапная, острая тоска по теплу очага, по стуку посуды, по голосам знакомым, по покою стен. Зачем идти туда, в ту квартиру, где, возможно, остались лишь призраки? Зачем ворошить прах? Не лучше ли свернуть с пути сейчас, найти другое место в Городе, начать с чистого листа? Иллюзия была сладкой и удушающей. Я чувствовал, как эта мысль, как липкая паутина, пытается опутать волю. Ангел не стоял на страже как обычно. Он сидел напротив, его свет в этот раз был не щитом, а... зеркалом. "Посмотри на себя," — казалось, говорил его молчаливый взгляд. "Кто ты без этого пути? Кто ты без памяти, которую несёшь, даже если она тяжела?" Я заглянул в рюкзак. Кот спал. И в его сне, в абсолютном доверии ко мне, к пути, который ему уготован, я нашёл ответ. Белый лоскут в моем сердце зашевелился, напоминая о чистоте намерения. "Я должен увидеть," — прошептал я в ночь, и Искушение отступило, как вода от берега. Ангел кивнул. Его охрана в эту ночь была не внешней, а внутренней — он помог мне сохранить цель.

3.

Утром мы спустились в долину. Дорога стала шире, пыльнее, появились следы копыт, колеи тяжёлых тележных колёс. Воздух наполнился запахами дыма, навоза, чего-то кислого. Ангел исчез, и на вершущке моего рюкзака снова восседал белый кот. Его осанка изменилась: спина была выгнута, уши насторожены, а зелёные глаза внимательно сканировали приближающиеся стены и толпу у ворот. Город встретил нас шумом, гамом, криками торговцев, бляением овец и пристальными, чужими взглядами. Я почувствовал себя голым, чужим, грубым куском степи, закатившимся в этот неугомонный улей. Стражники у ворот, потные и скучающие, бросили на меня и мой рюкзак беглые, оценивающие взгляд. Один из них, потрогав копьём край моего походного плаща, хмыкнул: "Откуда, степняк? И что везёшь в этой котомке? Не контрабанду ли?" Кот на рюкзаке вдруг встал во весь рост. Он не зашипел, не выгнул спину агрессивно. Он просто *посмотрел* на стражника своими нечеловечески спокойными, глубоко зелёными глазами. И стражник, встретив этот взгляд, вдруг смутился, отвёл глаза и пробормотал: "Ладно, ладно, проходи. Только кота смотри не потеряй в толчее." Через мгновение кот снова свернулся клубком на дне рюкзака, делая вид, что спит. Но я знал: это была его защита. Для Города он был лишь котом, но для меня – и для тех, кто мог представлять угрозу моему внутреннему покою – он оставался Ангелом, неуловимым стражем души, принявшим облик, не вызывающий подозрений, но способный одним взглядом охладить чужую глупость или злобу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.